

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Протоиерей Владислав Свешников

(ПСТГУ)

КРИЗИС ЛИЧНОСТИ И КРИЗИС СЕМЬИ

Современная действительность предлагает обильный материал для внимательного рассмотрения всеми заинтересованными сторонами той чрезвычайной общественной ситуации, которую принято называть «кризис семьи». Набор явлений, который описывается этим понятием, не представляет собой ничего принципиально нового и неожиданного, но в последние несколько десятилетий он приобрел более, чем всегда, острый характер и тотальную повсеместность, особенно в пространстве постхристианской цивилизации. Постхристианская цивилизация вышла из христианской (именно – «вышла»!) через процесс, который обозначается термином - «предательство».

Слово «кризис» (греч. – суд) означает тот крайний предел деградирующей системы, до которого еще возможна реконструкция, ремиссия, а за которым выход из деструктивного состояния – нереален.

Здесь необходимо сделать некоторое предварительное замечание. Слово «кризис» (как и слово «деградация») прежде в библейском и в общехристианском духовно-нравственном смысле были неуместными по очень простой причине. Христианская вера и неверие и соответствующие им жизненные установки имеют между собой водораздел настолько острый и окончательный, что по сю сторону его – вера, а по ту сторону – неверие. Поэтому в строгом смысле слова невозможно говорить о пути, идущем от веры к неверию и от неверия к вере; эти пути пролегают в разных пространствах – несоединяющихся. Деградация и кризис могут существовать лишь в нерелигиозном пространстве. Если же некоторое пространство бытия манифестирует себя в религиозном качестве, а на деле там происходят кризисные явления, это означает только то, что на самом деле здесь, как принято говорить, что вся их религиозность «уходит в свисток». То есть, речь идет по существу о квази-религиозности.

Некоторые относительно верные осмысленности и их реализации в нехристианских пространствах остаются возможными только потому, что там (в этих пространствах) отчасти архаически действуют остатки влияний бывших прежде христианских смыслов и переживаний. Но и эти атавистические остатки по мере удаления от реального исторического христианства все более слабеют. И в этом смысле уместно применять термины «деградация» и «кризис». Эти понятия выражают в своем существе поствозрожденческие содержания, которые с течением времени стали осуществляться все более ускоренно, ибо влияние христианства на общество стало все более формальным. С другой стороны, христианское общество испытывает на себе мертвящие влияния мира, становясь тем самым – квази-христианским во многих своих представлениях. Это легко можно видеть как в конкретных частностях жизни, так и в существенных мировоззренческих осмысленностях.

Проблемы жизни общества, как общие, «вечные», так и случайные, временные - возбуждаются и формируются в общественном мнении, которое можно дефинировать как среду вязкую, тоталитарную и одновременно неустойчивую. Но общественное, как и личное мнение, если оно не основано на проверенных и духовных традициях, наполнено обрывочными и бледными интуициями, а потому - субъективно, фантазийно и довольно бессмысленно.

Прежде чем перейти к описанию кризисных содержаний в жизни современной семьи, необходимо обратить внимание на главный исходный пункт этих содержаний - кризис личностного бытия.

Открытие новозаветных духовно-нравственных мировоззренческих вопросов два тысячелетия назад остро поставило мир перед вечным вопросом о смысле бытия человеческой личности. Личность (по слову апостола Павла, «новая тварь») открывается в своем качестве, когда ее содержание соотносится и с личностью Христа и с евангельскими духовно-нравственными принципами, при воздействии которых может преодолеваться природная данность. Помимо этого, всякое индивидуальное природное бытие, не только по религиозному знанию, но и по простому наблюдению есть бытие искаженное, несовершенное.

Воплощение Сына Божия открыло возможность для каждой индивидуальности стать личностью, а для распыленного общества - церковью, но это также вызвало в качестве реакции наиболее острые жизненные напряжения в «естественном» человеке и в различных типах реализаций смыслов существования – внехристианских и антихристианских. Тогда неизбежны подмены, когда одно и то же слово приобретает иные смыслы. Так обстоит дело с понятием «личность», которое вызывающе изменило свой смысл – от прежнего, сакрального, к новому, профанному.

Смысл профанного ощущения состоит исключительно в признании уникальной неповторимости индивидуального бытия и его абсолютной ценности.

Сакральный смысл понятия «личность» в наиболее точной остроте был поставлен греческим православным богословием. (Речь идет прежде всего о таких богословах как Григорий Нисский, Дионисий Ареопагит, Максим исповедник, Григорий Палама; из русских современников Вл. Лосский, из современных греческих богословов более других – Христос Яннарас). Западному христианству также было не чуждо это понимание, выраженное в формулировке: «Persona est relatio» .

Термин «личность» в греческой философии и богословии понимается как возможность и реальность отношения ко всякому иному предметному бытию, в отличие от понятия статичной индивидуальности (identity), которая существует сама по себе как некая выделенная монада с уникальным набором качеств, но без необходимости отношения к иным предметам.

Соотнесенность личности с иным бытием есть не просто отвлеченный дискурс, возможный лишь в силу работы разума, безразличного к предметам и по причине этого безразличия – безличностного, безлюбовного и беспредметного. Личность, оставляя предметы в их собственном бытии, вместе с тем, по слову русского философа И.Ильина, становится как бы «одержимой» ими, «схватывая» их некоей энергией особого вида сознания, сознания любви, «эротического» сознания. В этой энергии творческого сознания личность выходит из своей атомарной индивидуальности, ибо живет в мире солидарного межличностного пространства, пространства сверхприродной симпатии.

И потому, в восточном богословском знании, бытие человека рассматривается (а в жизненной практике – и реализуется) не как автономное существование индивидуальных монад, но как реальность единения и общения. Иначе говоря,

поврежденное грехом внутреннее содержание жизни человека, является в своем неискаженном совершенном качестве в Иисусе Христе, Который открывает возможность личностного возрождения для тех, кто лично переживает личность Христа как «свой» личный живой спасительный духовный и нравственный идеал.

В личностном, ипостасном бытии всегда выявляется некая «инаковость», неповторимость. Подлинное радостное отношение к неповторимости иной личности и само по себе неповторимо, и поэтому являет собою личность в ее качестве, стремящемся к идеалу. Удивляясь этой, другой, неповторимости, личность выходит за пределы своего только индивидуального бытия, и в этом «экстазе» «удивляется» и своему собственному личностному бытию, опознаваемому другой инаковой личностью.

Иначе говоря, центром содержания всякой личности является любовь, которая переживается и осознается духовно и нравственно.

Духовно любовь переживается прежде всего в отношении к Божественной Личности Иисуса Христа. Нравственно любовь переживается, главным образом, в отношении к другим человеческим личностям, в ощущении ценности каждой из них, включая самого себя («возлюби ближнего как самого себя»), в невозможности неприязненностей, в равнодушии, безразличии (человек человеку – не прохожий), в готовности к сердечному сочувствию и милосердию, в бескорыстии, беспристрастности, внимательности.

Обострению личностного кризиса в западном мире содействовало его оправдание через влияние так называемой «персоналистской» духовной и нравственной философии, усердно и дерзко экспортируемой по всему миру. Персонализм, направленный на переживание самоценности индивидуального бытия и, соответственно индивидуальности рождает, в конечном счете, индивидуализм, одинаково противоположный подлинно личностному и соборному сознанию. Неразборчивое западное философское суждение обычно называет индивидуальное бытие личностным, в чем состоит коренная ошибка: между «индивидуальностью» и «личностью» - пропасть. Заметим, кстати, что параллельно паре «личность» и «соборность» противоположна пара «индивидуальность» и «коллектив». Православно интуитивно постигаемое греческое слово «ипостась» не столько сближается, сколько внутренне противоположно слову «персона».

Если же центр личностного бытия оказывается как бы «вынутым» из личности, то останется одна индивидуальная психологическая шелуха, с ее нелепыми страстями и пристрастиями (симпатиями и антипатиями), с ее почти патологическими акцентуированностями характера, с ее малоаргументированными идеологическими стремлениями, с ее нелепыми своеволиями и безволиями, с ее глубоким презрением ко всяческой духовной объективности, с ее внецерковной субъективностью, с ее индивидуализмом, эгоизмом, эгоцентризмом и аутизмом.

Но именно эта «инаковая» психологическая «шелуха», эта «данность» и признается профанным сознанием как основное содержание «личности», хотя по существу речь идет о понятии «индивидуальность». Опираясь на знание греческих святых Отцов, Вл. Лосский прозорливо отметил, что хотя между понятиями «личность» и «индивидуальность» и имеется нечто схожее – а именно: единственность, неповторимость, уникальность – между ними следует отметить гораздо больше различий.

Во-первых, речь идет о сакральном понимании личности как отношения. Во-вторых, индивидуальность склонна если не абсолютизировать свою неповторимость, то, по крайней мере, культивировать ее содержание, свою психофизиологическую данность в ее неизбежно греховном содержании. Личность

же, сознавая несовершенство своей данности, полагает для себя заданную необходимость преодолевания ее несовершенного, поврежденного (до полной искаженности) содержания. Такое понимание было всегда трудным для западного мира, принципиально основанного на содержании индивидуалистических типов сознания. Это остро видели многие западные философы XX века, острее других – Хайдеггер.

Западный «персонализм» отражает именно понимание ценности индивидуального бытия в его данности, помимо всякого соотнесения с духовной заданностью. Это свидетельствует о кризисном понимании и переживании того, что относится к понятию «личность».

Кризис личности не мог не стать связанным и с кризисом различных типов социальных смыслов и осуществлений, поскольку они задаются и осуществляются в человеческой жизни.

Создавая в Своем творческом акте человеческую личность, Бог осуществил в ней высший Свой дар – любовь. Предметное содержание любви должно было стать главным и в межличностном общении (типа ты – я) и в человеческом обществе в целом.

В профанном, поврежденном сознании и переживании искажено не только личностное, но и социальное содержание жизни. Эгоистичность, направленность любви на свое индивидуальное бытие, не только умалила содержание любви, но и исказила отношение (акт) и его подлинный смысл, оставив в нем почти исключительно психофизиологическую, чувственную сторону, хотя это искажение не могло стать полным и навсегда окончательным. Но по мере деградации этического содержания жизни из нее утекали верные смыслы, и социальная жизнь все более десакрализовалась; ценность социального бытия в его подлинном глубоком переживании приобретала все менее опознаваемый сакральный (да и нравственно переживаемый) смысл.

Новейшее время не просто количественно усилило содержание этих кризисных явлений. Они приобрели угрожающе тотальный идеологический характер. Как со стороны некоторых государств, так и отдельных общественных слоев усилились требования интеграции в некую целостную систему с единым набором ценностных ощущений, которые складываются в непререкаемые стандарты. Эта система стандартов предполагает осуществление глобалистического проекта, в котором нет места священному содержанию жизни. Считается, что этот проект имеет в виду исключительно социально-экономические реальности. К тому же многие события последних десятилетий заставляют усомниться, что глобализм имеет духовно осмысленный характер социальной справедливости.

Общество, не сцементированное положительными усилиями к единению на основе, если не религиозных, то хотя бы этических осмысленностей, становится мнимым, иллюзорным обществом, антиобществом.

Русский философ Вл. Соловьев более ста лет тому назад писал о том, что необходимо относиться к социальной и «всемирной среде, как к действительному живому существу, с которым мы... находимся в самом тесном и полном взаимодействии. Такое распространение (единого) отношения на сферы собирательного и всеобщего бытия совершенствует саму (личность), сообщая ей единство и полноту жизненного содержания... По мере того, как всеединая идея действительно укрепляется через укрепление и усовершенствование своих индивидуально-человеческих элементов (личностей.), необходимо ослабевают и сглаживаются формы ложного разделения, или непроницаемости существ в пространстве и времени».

Во все ускоряющемся процессе интеграции как тотальной унификации мышления и образа жизни происходит существенная подмена ее смысла: глобализация преследует цели, противоположные духовному объединению человечества, ибо всечеловеческое единство в такой ситуации не осуществляется через духовно-нравственное усовершенствование личностей.

При этом плата, которую приходится платить человечеству за неопределенный эффект глобализации, относится не только к порокам общественной жизни, но и к содержанию индивидуального бытия. Дело не только в том, что, интегрируясь в мировое единство, человек становится индифферентным к высшим духовным и нравственным смыслам жизни; его индивидуальное содержание эгалитарно усредняется, теряя свои наиболее яркие и живые, интеллектуальные и душевные особенности. Осознавая воцаряющуюся пустоту личной усредненности, человек проявляет свое личностное содержание в том, что будто бы «наполняет» эту наступившую пустоту надуманными романтическими поверхностными декоративными, часто бессмысленными до идиотизма формами своей уникальной «одаренности». Такая «одаренность» обманывает лишь людей с затянувшейся подростковой психологией. Отсутствие же подлинных религиозных и нравственных ценностей никакой бутафорией заменить невозможно.

В этой безнадежной секулярной ситуации можно отметить некоторое занятное сходство между двумя проектами; один из них – отживший, это советский коммунизм, другой – еще только набирающий силу, это современный глобализм. При всех очевидных многообразных различиях в деталях, необходимо отметить общее содержание, так сближающее эти проекты. Это, прежде всего, жесткая тоталитарность, причем речь здесь не только о неприкрыто направляемом общественном мнении из-под медийного гнета которого выбраться подлинно свободной мысли почти невозможно; но это также и тоталитарность открыто навязываемой политической, социальной и экономической модели, как будто бы единственно возможной в современных условиях.

Эта тоталитарность (а с другой стороны – повсеместная личностная и общественная деградация) приводят как в советской, так и в глобалистской модели к неизбежности создания нового типа квази-сверхчеловека, главное качество которого – стандартность. Советский человек – дело отшедшее, но сверхчеловек «нового порядка» все больше набирает схожие (и даже худшие) качества: умственная ограниченность и эмоциональная холодность, всяческая стандартизированность содержания и мышления и жизни. В своих деградационных особенностях такие индивидуальности все более проявляют свои психопатические черты.

Из такого стандартного человеческого материала, легко выстроить прочное здание нового миропорядка, в котором закон подменит собой религию, этикет подменит этику, и вся демократия будет сводиться к игре «по правилам», в рамках которых индивиду будет разрешена достойная материальная жизнь в обмен на иссякающее высокое творческое духовно-нравственное содержание предметного личностного бытия. Уж либо то, либо другое!

Девальвация человеческих ценностей в связи с кризисом личностного бытия и внедрением «нового мирового порядка» особенно очевидна при взгляде на содержание вопроса, который стало принято обозначать как «права личности». В самом обозначении этой проблемы и в содержании ее обсуждения в общественном мнении много лукавства и двусмысленности, особенно в мировоззренческом контексте.

Меньше всего вызывает сомнения и разногласий юридическая сторона этого вопроса. Но юридические формулировки обычно соприкасаются с

мировоззренческими смыслами и даже из них исходят. В законах ряда государств «права личности» обозначены в качестве ведущего приоритета. Но такая приоритетность порою входит в некоторое противоречие с иными юридическими, общественными и государственными нормами. И здесь можно увидеть духовно-мировоззренческий смысл.

Так само слово «право» имеет гораздо более, чем просто юридическое содержание. Даже филологическое понимание связывает его с другими однокоренными словами: правда, правдивость, правота, праведность, правило, правильность, обычно употребляющимися в нравственных контекстах. Вековая послевозрожденческая интерпретация и традиция оторвала слово «право» от этих контекстов и уничтожила его внутреннее горение, практически оставив за ним лишь один смысл: неограниченную возможность исполнения каждым своих своевольных похотей.

Интенции своеволия несут по своему мировоззренческому откровению безнравственный, разрушительный разъединительный характер, распыляющий - по слову Ильина, духовно-тварное единство в мировую «пыль» - бесцельную пляску атомарностей, с чем никак не может согласиться дух, живущий в человеке. И даже когда эта разрушительность не так демонстративна, интенции своеволия неизбежно порождают возможность множественности ошибок (amartia, по-гречески одновременно означает и «грех» и «ошибка»).

И главные права, на которых настаивает постхристианская (глобалистская) цивилизация – это право не обращать внимания на ценностную духовно-нравственную содержательность бытия. Поэтому наряду с правом на жизнь эта цивилизация рассматривает как равное ему право на лишение себя этого священного дара, как в прямом и окончательном смысле (суицид, эвтаназия), так и в сознательных разрушительных действиях (алкоголь, наркотики и проч.), приводящих к медленному суициду.

Вместе с даром жизни человекам присущи право на любовь (на дружбу, на солидарность), право на мысль (на правду), право на нравственную осмысленность (на праведность), право на эстетическое восприятие, право на духовную содержательность и право на слышание голоса Бога и Церкви - и право на святость.

Но эгалитарные и секуляризованные защитники свободы прав личности создали если не теорию, то образ мысли и соответствующее общественное мнение, по которому право на любовь равно праву на ненависть, право на мысль приравнивается праву на легкомысленность, и правда по праву не отличается от лжи. Ложь по мере духовной деградации мира превозносится над правдой и более того – получает жизненные преимущества и философские предпочтения. Право на грех становится предпочтительней права на святость. Таким образом, все права личности в их положительном содержании - личностью же оказываются невостребованными и попранными, и сам разговор о правах личности становится бессмысленной и неумной фикцией.

Считается, что западная христианская (а по существу постхристианская и постмодернистская) цивилизация с особым уважением относится к дару свободы и культивирует его. Но можно ли назвать свободой эгалитарное (уравнительное), имморальное и релятивное отношение? Можно ли полагать, что равнодушие к правде, истине и любви, которое теперь называют квази-благородным словом «толерантность», открывает путь высокому дару свободы, который, собственно, и выражает главный смысл великого слова – «права личности»?

На деле, в этой релятивной толерантности нет никакого уважения к личности (и к духовной свободе), но лишь пошлое безразличие. От свободы в таком сознании

остается лишь тень, оттенок, видимость или даже подмена подлинно духовной свободы ее почти карикатурным, почти физиологическим изображением или, что еще обычной - внешним ее проявлением – своеволием.

Но дело не только в том, что подлинная содержательная свобода гораздо богаче этого мнимо-единственного ее проявления. Дело в том, что свобода открывает совершенное личностное бытие.

Личность – в поиске и преодолении, индивидуальность – в стагнации и самодовольстве, и если она что и ищет, то, как правило, различные формы корыстного потребления. Личность щедро дарит себя, индивидуальность постоянно «ищет свое». Личность знакома с правдой и праведностью, но не удовлетворена ее наличностью в себе, индивидуальности только мешают порою возникающие уколы ее совести, и она ненавидит совесть, ибо ей не нравятся болезненные уколы. Личность плывет по реке жизни против ее деградирующего течения, индивидуальность легко отдается этому гедонистическому течению - плыть по течению легче и приятней.

Духовный и нравственный смысл личности – любящая самоотверженная жертвенность, индивидуальность с удовольствием принимает все жертвы. Личность ищет возможность осуществления своей заданности, индивидуальность отвергает заданности (они ей мешают) и удовлетворяется данностью. Преодолевая гниющие и губительные течения мира и страстные и психологические, индивидуалистические и индивидуальные, инфантильно безвольные несовершенства, личность стремится к святости и к святому бытию; индивидуальность заботится о внешних благах и копошится в своей темной психологии, презирающей чистую святость.

И потому личность должна бороться о великом даре своих прав, как возможности реализации своего сверх-индивидуального бытия.

Никто не может запретить индивидуальности культивировать ее нелюбящее, несправедное и безответственное существование. И христианство не имеет возможности и не склонно лишать человека его свободы, даже обрывочной и мнимой.

Но никто не может лишить людей Церкви их права на правильное понимание проблемы и на опыт внятного понимания и артикулирования ее в понятиях и ценностных осуществлениях христианского сознания, что едва ли сделает это понимание приемлемым в рамках этой цивилизации.

Но речь идет уже не о деградации только личности в самом точном и духовном смысле этого слова, но и о кризисе индивидуальности, что наиболее очевидно проявляется в психологическом, нравственном и духовном аспектах. Психологически – в патологических ошибках индивидуального устройства (прежде всего – в неврозах). Нравственно – в непонимании объективных нравственных принципов и идеалов, в невнимании к ним и в нереализации их. Духовно – в игнорировании сверхземных бытийных содержаний или в искажении их (более всего – любви). Это ведет к пристрастным и страстным склонностям, к эгоизму и эгоцентризму, к устойчивому набору всяческих претензий и стремлению к их осуществлению, к брезгливому презрению к жизни общества и ко все меньшей адаптации к нему, к постоянным душевным подменам, к неразличению ценностных содержаний, к склонностям к дефективным взаимоотношениям (в частности – к скандалам), к интерпретативному типу мышления, к неверным актам самосознания и к отказу от подлинной свободы.

Вызову современного мира относительно прав и свобод индивидуального человеческого бытия духовное и нравственное церковное сознание отвечает

пониманием значения достоинства личности. Но поскольку само понятие и переживание смысла личности подверглось эрозии, необходимо прежде всего вернуть само это понятие к его докризисному качеству и измерению. Необходимо возвращение к сакральности личностного логоса. Когда церковное сознание сумеет открыть подлинную красоту сущности личностного мира в его духовных и этических началах, оно сможет послужить миру в его робких попытках выхода из деградиционных процессов.

Очевидно, о кризисе семьи (как и о всех других кризисах) уместно говорить лишь в общестатистическом контексте (как о средней температуре больных в отделении), поскольку на его фоне долго, даже до конца истории могут и будут существовать семьи, которых кризисные признаки не коснутся, но их бытие станет возможным лишь при условии конкретного преодоления семьей этого общего кризиса. Кризис семьи, кратко говоря, означает искаженность, до полной разрушенности – ввиду их ненужности – нормальных созидательных отношений в системах: «муж - жена» и «дети – родители».

Сущность духовного задания в творческом выстраивании семейной жизни есть реализация любви в межличностных отношениях у всех членов семьи по отношению друг к другу. Соответственно – деградация семьи есть, прежде всего, деградация любви в семейных отношениях. Неверное переживание любви в супружеских отношениях приводит либо к ощущению исключительно плотски-душевных ценностей, либо к автократическим устремлениям одного или обоих супругов, либо к бессодержательному тоскливому равнодушию. Кроме того, и в супружеских взаимоотношениях и в отношениях между родителями и детьми большое место занимают потребительские склонности, всегда действующие деструктивно.

Все перечисленные и другие признаки кризиса семьи, его причины, мотивы и результаты приводят к тому пределу, за которым семья перестает существовать. В единичном смысле это означает развод и окончательное разрушение конкретной семьи; в общественном смысле – появление все большего количества так называемых «гражданских браков», которые на самом деле именно гражданскими браками в точном смысле слова и не являются, т.е. не заключаются перед лицом общества, а оказываются простым видом грубого сожительства (нередко – только полового). Именно поэтому собственно «гражданские чувства» в таких семьях не могут культивироваться и воспитываться.

Но и это еще не предел. В последнее время все чаще появляются такие пары, которые не только не хотят «узаконивать» хоть как-то свои отношения, но и отношения сводятся, собственно, к более или менее периодическим встречам при которых «семейная пара» проводит около суток отчасти в «культурных развлечениях», отчасти – почти исключительно зоологически. Семья все больше перестает быть конструктивной ячейкой жизни общества, увеличивая его хаотическое энтропийное состояние. Кризис семьи представляет собой одновременно центральную и предельную точку деградирующего общественного бытия.

Кризис семьи связан с общественным и даже политическим, национальным, нравственным, духовным и другими кризисами современной действительности. И если эта общая кризисная ситуация не будет находить положительное разрешение, ситуация семейного кризиса вместе с другими пойдет в сторону окончательной деградации, рождая все большее число конкретных семейных кризисов.

В ряду кризисов, оказывающих влияние на развитие кризиса семьи, на печальном первом месте стоит именно описанный выше кризис личности, - еще и потому, что он меньше других обращает на себя внимание и мало осознается общественной мыслью.

Деградация личности, приводящая к кризисной фазе, наиболее очевидным образом проявляется в психологическом, нравственном и духовном аспектах. Психологически – в патологических ошибках индивидуального бытия (прежде всего – в неврозах). Нравственно – в непонимании объективных нравственных принципов и идеалов, в невнимании к ним и в нереализации их. Духовно – в игнорировании сверхземных бытийных содержаний или в искажении их (более всего – любви).

Впрочем, и в православной церковной действительности происходит, к сожалению, деградация личностного бытия, приводящая к кризису, который, в свою очередь, приводит к кризису семьи. Такая деградация состоит в подмене, при которой внутренняя жизнь подавляющего большинства современных православных людей оказывается материалом не столько духовного и не столько нравственного, сколько психологического переживания. В современном богословском сознании практически даже не поставлена в этом отношении задача к верному повороту.

Только в том случае, если от современного кризисного состояния личностного бытия начнется дорога к исцелению, можно будет ожидать и оздоровления семейной действительности. И тогда эта действительность сможет стать наполненной подлинной любовью, правдой, свободой, чистотой, вниманием, самоотверженной жертвенностью, помощью друг другу, пониманием друг друга, общей духовной жизнью, взаимовоспитанием и многим другим, что интуитивно постигается как верное бескризисное содержание семейной жизни.